

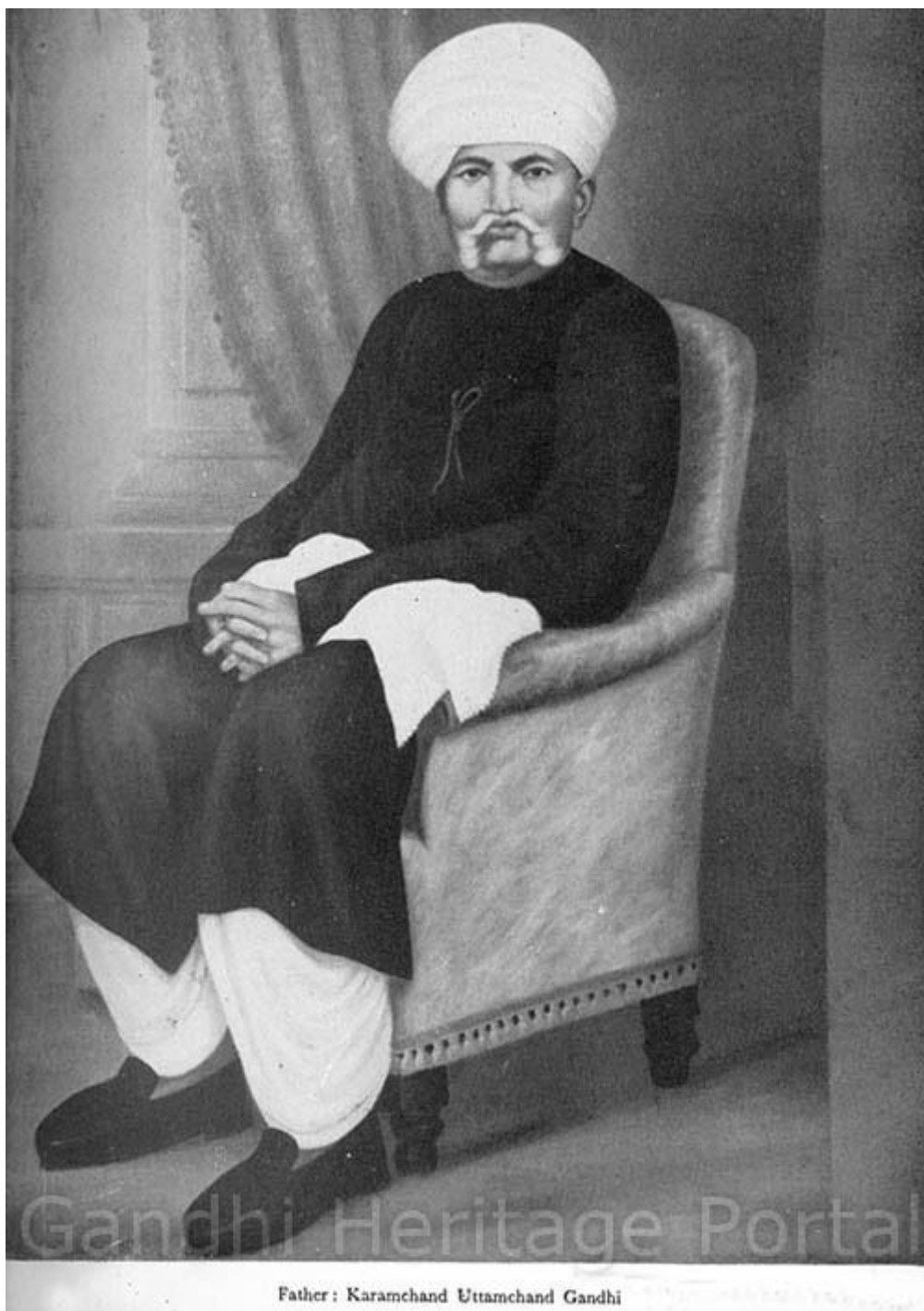
ПОВЕСТЬ О МАХАТМЕ СЛОВАМИ ГАНДИ

Мохандас Карамчанд Ганди при жизни стал известным как «Махатма» (великая душа) с лёгкой руки известного поэта, лауреата Нобелевской премии Равиндранатха Тагора. Отмечая 150летие Ганди постараемся понять феномен этого полуодетого человека, который поднял многомиллионный безоружный народ Индии против британского рабства.

Mother: Putlibai

Father : Karamchand Uttamchand Gandhi

Семья и родные

Ганди принадлежат к касте бания (каста торговцев), и некогда, по-видимому, они были бакалейщиками. Но представители трех последних поколений, начиная с моего деда, были премьер-министрами в нескольких княжествах Катхиявара. Мой дед Оттамчанд Ганди, или, как его чаще называли, Ота Ганди, был, по всей вероятности, человеком принципиальным. Государственные интриги заставили его покинуть Порбандар, где он был диваном (главный министр), и искать убежище в Джунагархе. Там он обычно приветствовал наваба (правителя) левой рукой. Кто-то, заметив такую явную неучтивость, спросил деда, чем она вызвана. «Правая рука моя принадлежит Порбандару» – ответил он.

Ота Ганди, овдовев, женился вторично. От первой жены у него было четыре сына, от второй — два. Помнится, в детстве я никогда не чувствовал и даже, пожалуй, не знал, что сыновья Ота Ганди были не от одной матери. Пятым из этих шести братьев был Карамчанд Ганди, или Каба Ганди, как его называли, шестым — Тулсидас Ганди. Оба брата, один за другим, занимали пост премьер-министра Порбандара. Каба Ганди — мой отец. Он был членом раджастанского суда. Сейчас этот суд больше не существует, но тогда это был весьма влиятельный орган, разрешавший споры между главами и членами кланов. Каба Ганди был некоторое время премьер-министром в Раджкоте, а затем в Ванканере. До самой смерти он получал пенсию от правительства Раджкота.

Каба Ганди был женат четыре раза. Первые три жены умерли. От первого и второго браков у него остались две дочери. Четвертая жена Путлибай родила ему дочь и трех сыновей. Я был самым младшим.

Отец был предан своему роду, правдив, мужествен и великодушен, но вспыльчив. В известной мере он не мог жить без чувственных наслаждений. В четвертый раз он женился, когда ему было уже за сорок. Он был неподкупен и за свою справедливость пользовался уважением и в семье, и среди чужих. Хорошо известна была его лояльность по отношению к княжеству Раджкот. Однажды помощник британского политического агента выразился оскорбительно о раджкотском князе, у которого отец состоял на службе. На оскорбление отец ответил оскорблением. Агент рассердился и потребовал у Каба Ганди извинения. Отец извиняться не стал и был посажен под арест. Однако, увидев, что Каба Ганди непреклонен, агент через несколько часов велел выпустить его.

Отец никогда не стремился к богатству и оставил нам совсем небольшое состояние. Он не получил никакого образования, а лишь приобрел большой практический опыт; в лучшем случае он доучился до пятого класса гуджаратской школы. Об истории и географии отец не имел никакого понятия. Но богатый жизненный опыт помогал ему решать самые сложные вопросы и управлять сотнями людей. Он был малообразован и в религиозном отношении, но у него была та религиозная культура, которая свойственна многим индусам благодаря частому посещению храмов и слушанию религиозных проповедей. На склоне лет он по настоянию ученого брахмана, друга семьи, начал читать «Бхагавад гиту» и во время молитвы ежедневно вслух повторял несколько стихов.

О матери я сохранил воспоминание как о святой женщине. Она была глубоко религиозна и не могла даже подумать о еде, не совершив молитвы. Она считала своим долгом ежедневно посещать хавели — храм вишнуитов. Если мне не изменяет память, мать ни разу не пропустила строгий пост чатурмаса (в сезоне дождей). Она накладывала на себя строжайшие обеты и неукоснительно их выполняла. Помнится, однажды во время лунного поста она заболела, но даже болезнь не помешала ей соблюдать пост. Для нее ничего не стоило поститься два три дня подряд. У нее даже вошло в привычку во время чатурмаса принимать пищу только раз в день. Не довольствуясь этим, во время одного из чатурмасов она постилась через день. В другой раз во время чатурмаса она дала обет не есть, пока не увидит солнца. В такие дни мы, дети, не спускали глаз с неба, чтобы поскорее сообщить матери о появлении солнца. Всем известно, что в сезон дождей солнце очень часто совсем не показывается. Помню, как бывало, мы мчались сломя голову, чтобы сообщить матери о его внезапном появлении. Она прибегала, чтобы самой взглянуть на небо, но солнце уже успевало скрыться, и мать снова лишалась возможности поесть. «Ничего, — бодро

говорила она, — бог не пожелал, чтобы я сегодня ела». И возвращалась к своим обязанностям.

Мать была весьма здравомыслящим человеком, она была прекрасно осведомлена о государственных делах, и придворные дамы с уважением отзывались о ее уме. Пользуясь привилегией детского возраста, я часто сопровождал мать во дворец, и до сих пор помню ее оживленные беседы с вдовой — матерью князя.

Я родился в Порбандаре, или Судамапури, 2 октября 1869 года. Там же провел детство. Помню, как впервые пошел в школу. В школе мне не без труда далась таблица умножения. Тот факт, что из всех воспоминаний в памяти сохранилось лишь воспоминание о том, как я вместе с другими детьми научился давать всевозможные клички нашему учителю, говорит о том, что ум мой тогда был неразвит, а память слаба.

Детство

Мне было около семи лет, когда отец переехал из Порбандара в Раджкот, где был назначен членом раджастканского суда. Я поступил в начальную школу. Хорошо помню эти дни и даже имена и привычки учителей, обучавших меня. Но мне почти нечего сказать о своих занятиях там, как и о занятиях в Порбандаре. Вероятно, я был весьма посредственным учеником. Из этой школы я перешел в пригородную, а затем — в среднюю. Мне шел тогда двенадцатый год. Не помню, чтобы я хоть раз солгал учителям или школьным товарищам. Я был очень робок и избегал общества детей. Единственными друзьями были у меня книги и уроки. Прибегать в школу точно к началу занятий и убегать домой, тотчас по окончании их, вошло у меня в привычку. Я в буквальном смысле слова убегал домой, так как терпеть не мог с кем-нибудь разговаривать. Я боялся, как бы надо мной не стали подтрунивать.

В первый же год моего пребывания в средней школе со мной произошел случай на экзамене, о котором стоит рассказать. Инспектор народного образования мистер Джайльс производил проверку нашей школы. Чтобы проверить наши познания в правописании, он заставил нас написать пять слов, в том числе слово «котел». Я написал это слово неправильно. Учитель, желая подсказать, толкнул меня ногой. Он хотел, чтобы я списал незнакомое слово у соседа. Но я считал, что учитель находится в классе для того, чтобы не давать вам списывать. Все ученики написали слова правильно. И только я оказался в глупом положении. Позже учитель пытался доказать мне, что я сделал глупость, но это ему не удалось. Я так и не смог постичь искусство «списывания».

Однако этот инцидент несколько не умалил моего уважения к учителю. По натуре я был слеп к недостаткам старших. Впоследствии я узнал и многие другие недостатки этого учителя, но сохранил к нему уважение, поскольку привык выполнять приказания старших, а не критиковать их.

В моей памяти сохранились еще два случая, относящиеся к тому же времени. В общем, я читать не любил и читал только учебники. Уроки я готовил ежедневно, но лишь для того, чтобы избежать замечаний учителя; да и не хотелось обманывать его. Поэтому часто я делал уроки без всякого интереса. А уж если я даже уроки не готовил должным образом, то нечего и говорить о другом чтении. Но как-то мне попала книга, приобретенная отцом, — «Шравана питрибакти Натака» (пьеса о преданности Шравана родителям). Я читал ее с неослабевающим интересом. Приблизительно в это же время к нам приехала группа бродячих актеров. В числе прочих представлений они

показали сценку, в которой Шраван, направляясь к святым местам, несет на коромыслах, перекинутых через плечи, своих слепых родителей. Книга и эта сценка произвели на меня неизгладимое впечатление. «Вот пример, которому ты должен подражать», — сказал я себе. Душераздирающие причитания родителей, оплакивающих смерть Шравана, до сих пор свежи в моей памяти. Трогательная мелодия глубоко взволновала меня, и я исполнил ее на концертино, которое купил мне отец.

Приблизительно в это же время отец разрешил мне посмотреть спектакль драматической труппы. Пьеса называлась «Харишчандра» и совершенно покорила меня. Я мог смотреть ее без конца. Но как часто мне будут разрешать это? Мысль об этом не давала мне покоя, и я сам все время разыгрывал сцены из «Харишчандра». «Почему всем людям не быть такими же правдивыми, как Харишчандра?» Этот вопрос задавал я себе днем и ночью. Следовать истине и пройти через все испытания подобно Харишчандре — таков был мой идеал, навеянный пьесой. Я был убежден в достоверности рассказа о Харишчандре. Одна лишь мысль о нем вызывала у меня слезы. Здравый смысл подсказывает мне теперь, что Харишчандра не мог быть лицом историческим. И все же Харишчандра и Шравана остаются для меня действительно существовавшими людьми, и думаю, что, если бы я перечитал эти пьесы теперь, они произвели бы на меня не менее сильное впечатление.

(Продолжение следует)